

Николай Щербаков

Бабочка в пивном бокале

Иронический роман
на русском языке

Николай Щербаков
Бабочка в пивном
бокале. Иронический
роман на русском языке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994146

ISBN 9785448333446

Аннотация

В прозу Щербакова сначалаходишь как в мелкий прозрачный и теплый ручей, и вдруг вода превращается в застывшее стекло, и ты уже в плену. Одно нетерпеливое движение – и хрупкое очарование фраз разрушится, и ты чувствуешь настоящую боль от осколков. Как он это делает – я до сих пор не могу понять. Может, все дело в мельчайших деталях жизни, которые мы устали замечать, может, в завораживающе доверительной интонации человека. Галина Погютяк. Писатель, лауреат ГП.

Содержание

Глава первая. Странный Борис Иванович	5
Глава вторая. Естественные неприятности при нестыковке времён	39
Глава третья. Что из всего этого вышло	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Бабочка в пивном бокале
Иронический роман
на русском языке
Николай Щербаков

© Николай Щербаков, 2016

ISBN 978-5-4483-3344-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Странный Борис Иванович

Санек не утруждает себя выбором пути. Он идёт на зов. Зов ведёт его в «беседку ветров». Или в пивбар «Беседа». Как вам будет удобно. Это уж так повелось. Как не назови публичное место, всё равно переиначат, по-своему назовут. Придумают что-нибудь эдакое, что приличным людям и повторить неудобно. Небось, сами знаете такие примеры. Ну, нашего случая это не касается. В нашем случае приличия соблюдены. Посудите сами. Уютное место между жилыми высотками, вдали от проезжей части с пылью и визжащими тормозами лихачей, вдали от скопления людей на остановках и шумных детских площадок. И окружение зарослями черёмухи, рябины и сирени. И не городская тишина. Все располагает к приятному время проведению и душевной беседе. Примкнувшая к первому этажу жилого дома площадка, укрытая полотняным шатром, вмещает несколько столиков с пластмассовыми стульями. А почему спросите вы «беседка ветров»? А потому, что умники архитекторы разбросали дома так, что самый небольшой ветерок, заблудившийся в городе, обязательно пробегает здесь, шелестя листвой и похлопывая тентом шатра. Это, пожалуй, самый приятный, уютный шум. А в основном здесь тишина, тихие разговоры – бе-

седы, звон бокалов да воркование голубей, разгуливающих между столами. И покой. Так и прижилось – «Беседа».

Так вот, сколько Санек помнит, а это, считай с очень ранних детских лет, здесь пивнушки стояли. Для ясности. Александр Иванович, он же Санёк, мужчина пенсионного возраста, коренастый, с седым ёжиком волос вокруг покрытой лёгким пушком небольшой лысины, в голубых джинсах и белых кроссовках. Голубые, начинающие выцветать глаза. Иногда тщательно выбритый, как сейчас, подбородок. Иногда нет. И тогда он объясняет свою седую щетину обязательным атрибутом «мачо». Вы поняли? Санёк – мачо! В красной майке и с пакетом такого же красного цвета в руках.

А вообще то, Александр Иванович закончился там, в предпенсионном времени. Там же, где закончились штатные расписания, должности, «друзья по службе», коллеги, официальные друг к другу обращения и всякая другая, как установило время, чепуха. И остался Санек. И дома, для жены и здесь, за этими столиками, с такими же, как он, «мачо».

Возраст Санька и позволяет нашим воспоминаниям так далеко назад заглядывать. Вот, пока он идёт, мы назад и заглянем. Итак, пивнушки здесь, на этом самом месте самые разные стояли. И цивильные и не очень. Первым, на его памяти, цивильным был дощатый ларек. Ну не совсем дощатый, а то вы подумаете, что буквально из щепочек и фанерок. Нет. Капитальный, на сваях, просто дощечками обитый. «Вагонкой», так называемой, некрашеной, черной. Сей-

час бы никто не поверил, но там даже вывески никогда и никакой не было. Я имею в виду на самом строении. А вот надпись на фанерке, не буду врать, не помню, чем она и как была написана, появлялась. И было там магическое: «ПИВО ЕСТЬ». Ибо когда его, пива не было, ничего и писать не надо было. Сегодня читатель, конечно, может резонный вопрос задать. Мол, как это? Не было пива? Да, дорогие мои, так бывало. Да, много чего в те времена было. Чаше наоборот – не было.

Рядом никаких столиков или другой какой-то комфортной ерунды не было. Пеньки, ящики, бочонки. Или просто газетка на траве. Вспомнили? Газетку на траве, кирпичиками прижатую? Ну! На этих газетках, дорогие мои, довольно большие компании располагались. Да как располагались! С выпивочкой, с закуской, порезанной на таких же газеточках и разложенной так, как не всякий, обученный в «парихах» поваренок устроит. Да еще и место для танцев, если кто патефон захватит. Да, собственно, и гармошки хватало. Обратите внимание, я гитару не вспоминаю. А почему? Кто постарше, вспомнили? Да не было еще тогда гитар. Не было еще такой моды и песен еще подгитарных не было. А может быть, просто, контингент не гитарный был в этом районе? Скорее всего, это так. А гармошки были. Да.

Дальше что было? Кое-кто, надеюсь, ещё помнит, строительство здесь затеяли. Началось оно с того, что все снесли, и ларек, в том числе. К едрене матери! Что-то в виде кот-

лована там получилось. И довольно долго, должен вам сказать, это место за стройплощадку держали. Довольно долго. А что? Денежки видимо отпускались? Отпускались. Отчитываться надо было? Надо! Сметы составлять, наряды закрывать, прогрессивки начислять? И, надо полагать, и отчисляли и начисляли и денежки, как положено, распределяли и отчитывались. Были и в те времена деловые люди. А иначе, если бы не распределяли, кто бы этот нынешний «капитализм» сейчас строил? Мы с вами, что ли? Да, кадры ковались ещё тогда.

Так вот, и в это самое строительное место привозили желтую бочку на двух колесах с треугольной рамой-прицепом, под которую подкладывали кирпичи для горизонтального положения, под торчащий кран ставился поднос с кружками, и начиналась торговля. Пиво на разлив! Во все, что подставишь. Имеется в виду, наливали, во всё, что у тебя есть: банка, бутылка, молочный бидончик..., дальше сами вспоминайте.

Но не об этом речь. В последние «предперестроечные» годы здесь настоящий пивбар организовали. С прилавком, мангалом для шашлыка, со столами и лавками из слабо струганных досок такой толщины и неподъёмности веса, что все решили, что это навсегда и не стали замышлять никаких экспроприаторских планов. На этих мебелих, можно было, и посидеть в своё удовольствие и потанцевать и подраться и поспать. И на них и под ними. И название неофициальное, «на-

родное» придумали: Бар «Пиво с раками». Мы с вами уже об этом выше говорили. Это вот тот самый пакостный случай. Что ведь поганцы придумали? Произносили ведь слитно: «пиво сраками». И представьте, говорилось это буквально так, да простят меня присутствующие дамы. Пошли, мол, пиво сраками пить. Вспоминаете шутку? «Не удивляйся, сынок, это у них морды такие». Потом как-то сразу, быстро выросли высотки и к одной из них пристроили ровно на том самом месте эту самую «Беседку». Свидетельствую ответственно – на том самом, где прошлые пивнушки стояли, она и оказалась.

Это, конечно, не Александр Иванович сейчас вспоминает, это уж меня занесло, а он просто идёт на зов. С «бодуна» он идёт. После «вчерашнего», одним словом. А вчера приезжали сваты. Сватами для Санька являются родители невестки. Сват Петро мужик, по мнению Санька, приемлемый, но зануда. И если занудство и болтливость свата ещё можно терпеть, то одна неприемлемая черта его наносит здоровью Санька заметный ущерб. И черта эта у него одна, но существенная. Этот старый... чудака на букву «м» не встанет из-за стола, пока все не будет съедено и выпито. И особенно у свата под контролем выпивка. Всё понятно?

Я предупреждаю, что и дальше буду пользоваться жаргонной, ненормативной лексикой. Поскольку хочу вам рассказать о годах жизни прожитых моим поколением в смутные времена, когда в головах определенной части самоуве-

ренных «радикалов» возникла необходимость, в очередной раз, построить «процветающую» Россию. И как всегда независимую от проживающих в ней не процветающих граждан. Так вот это рассказать чистым литературным русским языком невозможно. Языком обожаемых мной русских писателей Лескова, Аксакова, Гоголя, Чехова (пожалуйста, остановите меня), невозможно. Я попробовал. Честное слово, попробовал. Ну, что значит попробовал? Не писать, конечно, языком, каким пользовались классики. Здесь я трезво оцениваю свои возможности. А просто постарался перечитать в который раз этих уважаемых авторов и представить себе, что один из них пытается наши события описать своим мастерским словом. Чепуха мне представилась. Одним словом, не тот случай. У нас, что называется, свои дела, у них свои были. И оставим это.

Так вот. Санек одолел последние ступеньки, ведущие к заветной площадке, и остановился отдышаться уже под сенью шатра фирменного цвета, украшенного «лейблами» (убереги меня, Господи, от конкретной рекламы), местного пива. Бросил на ближайший столик свой пакет, предназначенный для покупок. Вышел ведь он из дома строго по делу – жена добрых полчаса уговаривала в соседнем «маркете» гигиенические наполнители для кошачьих сортиров купить. В лучшие времена послал бы он свою благоверную вместе с её кошечками куда подальше, но обстоятельства заставили изменить святым принципам. Он, конечно, покуражился над

домашними любимицами, но видимого упрямства хватило не на долго. Здоровье требовало решительных мер по своему спасению.

А стойка бара манила, кричала и убеждала, что из таких замечательных, в ярких наклейках, с золотыми и серебряными головками бутылок и бутылочек, так удобно лежащих в руку, пьют настоящие мужики. И пьют они этот яркий, искрящийся, играющий пузырьками напиток не обязательно с «бодуна» и «не пьянки ради», как метко говорят в народе. А пьют они его в свое собственное удовольствие в любое время дня и ночи, в шикарном автомобиле и на палубе роскошной яхты. Непременно положив одну руку на талию барышне, а второй, красиво отставив локоть, поднося горлышко бутылки к... запекшимся губам и превратившейся в раскаленную трубу глотке.

Александр Иванович не гоняет мелочь по ладошке и не мусолит мятые бумажки, перед стойкой бара, подсчитывая свои возможности. Сумма была отсчитана и сложена в пакетик еще дома, в лифте. Пакетик состоит из пары бумажных червонцев, в который завернуты несколько монет, и вместе это составляет необходимую сумму. Он никогда не берёт пиво в бутылках или, тем более, в банках. Он предпочитает по старинке пить пиво разливное, из кружки, или из большого фирменного стакана. Благо, нынче в барах, на счет пива, могу вам с уверенностью сказать, – что хочешь и как хочешь! Только плати.

И сейчас, взяв первую кружку холодного, светло-золотого, в меру пенящегося пива он сел за заранее намеченный брошенным пакетом столик. Любит он эти «моменты истины». У него на этот счёт собственное определение. И заключается оно в том, что вот жаждал ты этой кружки, мечтал о ней с раннего утра, когда голова пылает внутренним огнём, ноги ватные и не послушные, а мир вокруг, включая жену и её зверинец, мягко говоря, неуютен, а если серьёзно, то глуп и отвратителен. И вот кружка у тебя в руках. Ты правой рукой бережно держишь её за ручку, а левой ласкаешь её прохладный в капельках бочек. А пока идешь к своему столику, как бы нечаянно, касаешься воспалённым носом края кружки, из которой поднимается белоснежная, с искрой, с лучшим в мире ароматом пенка. Вот это «момент истины». Поэтому, что счастье – бывает! И сейчас ты одним глотком изменишь мир. Прохладная, щекочущая лопающимися пузырькам влага потечет по твоему измученному ожиданием организму. Дурашливо, лёгким взрывом, захваченной жадным ртом пены она ударит изнутри в нос и уляжется в отведенном для неё месте, успокоив в одно мгновение все боли, жжения, сомнения и недовольства. И не только в тебе, но во всём мире. Да! Ни больше, не меньше.

«Правильно я говорю? Александр Иванович?». Санек, хмыкает, качает опущенной к столу головой. Мол, ну чего спрашиваешь. Должен признаться, иногда это желание, напрямую обратиться к своему герою, просто непреодолимо.

Это начинается с тех моментов, когда они окончательно оживают в твоём воображении. Оживают до такой степени, что поговорить с ними, одно удовольствие.

Опять мы отвлеклись. Вернёмся в нашу «беседку». Санёк уже отпил больше половины, когда за его спиной прошеле-стел тихий, но очень ясный голос. Так, как будто Александру Ивановичу это в ухо прошептали. Голос спросил: «У вас здесь свободно?». Александр Иванович повернулся. В двух шагах от него стоял незнакомый старичок в полотняной паре и старенькой соломенной шляпе. На носу у него очки маленькие, с кругленькими стеклышками. На самом кончике носа. Старомодные какие-то, подумал Санек. Где он такие достал? Ха, да это же пенсне! Вот дает! Смотрел старичок в сторону, но было ясно, что обращается он именно к Саньку, поскольку рядом, за ближайшими столиками, никого не было. Недоумению Санька не было границ.

– Вы чё? Милейший, вы чё, не видите сами? Но если хотите, милости прошу, – и смел со стола невидимые крошки.

– Спасибо, я сейчас подойду, – и, мелко перебирая ножками, постукивая тоненькой тросточкой, старичок поплыл между столами в сторону стойки.

Санек хмыкнул, покачал головой, «бывают же чудачки!» и принялся за кружку. А когда поднял голову, внимание его привлек другой «чудак» – незнакомый мужчина, идущий к стойке бара. «Во, денек!» подумал Санек, кружку поставил на столик и неприлично уставился на незнакомца. В этом

районе, а тем более у этой стойки появление незнакомца для Санька редкое явление. Контингент здесь, что называется, устоялся. Этот же был явно пришлый и имел, чем обратить на себя внимание. Сразу, конечно, бросился в глаза его внешний вид. Если, скажем, вспомнить чеховское выражение, что, мол, все в человеке должно быть прекрасно и так далее, то в этом все было необычно, а точнее, непривычно. От и до. Притом, что вокруг нынче все одеты «кто во что горазд» и ведут себя в основном все независимо, этот был замечательным оригиналом. Ну, посудите сами. Мужчина лет сорока – сорока пяти, не больше, имел прекрасную как смоль черную с проседью шевелюру, влажными кольцами зачесанную назад, ухоженную черную же с серебряными нитями бороду лопатой и буденовские усы. Серая холщовая косоворотка, черные узкие и слегка коротковатые брюки, из-под которых выглядывали определенно старомодные, поношенные, но до блеска начищенные черные ботинки. Косоворотка, выпущенная поверх брюк, перехвачена на поясе плетеным кожаным пояском. Через плечо сумка. И вот сумка явно подкачала, не вязалась, скажем так, с образом. Пыльного цвета дерматин, черный тряпочный ремень и надпись грязно-коричневым цветом «sport». Безобразие, а не сумка. Без неё мужчина как мужчина, кажется сбежавшим с репетиции не разгримированным актером или солистом цыганского ансамбля. Просто забежал артист в бар кружечку пива перехватить, и какие вопросы? Да, сумка весь «прикид» незна-

комца портит. И ещё, он явно спешит. Определенно, ряженый, решил Санек. Артист, одним словом. И уж совсем несерьёзная мысль промелькнула, что видел он когда-то и где-то эту фигуру. Ну, сушая чепуха, прямо скажем. Санек смахнул с края своей кружки бабочку. Кстати, не будет лишним сказать Вам, что старичка, что отошел от стола Санька, нигде видно не было.

Между тем, мужчина недолго постоял у прилавка спиной к столикам, а когда развернулся, в руках у него были две кружки с разным пивом. В одной светлое, в другой темное. Оригинал, окончательно убедился Санёк. А мужчина, тягучим взглядом обведя столики, встретился глазами с Саньком и двинулся в его сторону. Не спрашивая разрешения, поставил одну кружку на столик и, не присаживаясь, отхлебнул стоя из другой. Глубоко и громко вздохнув, он, не отрывая взгляда от кружки, сел на противоположный от Санька стул и сделал ещё несколько глотков. Э-э-э, заключил Санек, да ты, милейший, вчера прилично «на грудь взял», вот почему ты так спешил. А новоявленный «сосед» подняв на него невидящий болезненно-тяжелый взгляд, продолжал цедить из кружки, постепенно поднимая её край до уровня глаз, пока совсем не скрылся за опустошенной кружкой. Кадык на заросшей седыми кольцами волос шее последний раз дернулся, кружка медленно опустилась на стол, и перед Саньком предстал другой человек. Понимаете, да? Человек, конечно, тот же, да не тот. Только что тяжелое, с припухшими крас-

ными веками и темными кругами под глазами лицо вдруг посветлело, взгляд стал осмысленным. Мужчина огляделся вокруг так, как будто для него самого вдруг стало неожиданностью оказаться здесь. Вытер рукавом косоворотки губы, приподняв, при этом ловким движением лихие усы, таким же легким движением снизу взбил бороду и вдруг открыто, продемонстрировав не совсем белые, но ровные, красивые зубы, улыбнулся Саньку.

– А-а? ... то-то же! – сам же ответил за оторопевшего Санька.

– А вы это... чего это, разное... употребляете? – первое, что пришло в голову.

– Разное? А чего же разное то не употребить, если его так много, этого, разного? А? Я вот сейчас ещё какое-нибудь возьму, – и припал ко второй кружке.

Голос у мужчины на удивление звонкий, даже молодой. И только чуть наигранно бодрый. Что-то забытое послышалось в этом голосе. Как будто с экрана старого фильма. Так в этих фильмах передовые рабочие и колхозники разговаривали, подумал Санёк и улыбнулся своим фантазиям.

Вторую «артист» сразу не осилил. Поставил на стол, на соседнем стуле разместил свою сумку и начал из карманов вытаскивать и раскладывать на столе деньги. Были это в основном сотенные и пятидесятки. Было и несколько десятков. И показалось Саньку, что между этими купюрами мелькнули давно забытые профили вождя мирового пролетариата.

Но незнакомец очень быстро большие купюры и эти, что с профилем, сложил и отправил в карманы, а десятки почти скомкал и привстал, явно направляясь к стойке. Показалось, решил Санек.

– Тебе какого?

– Мне? – удивился Санек.

– Ну, а кому же?

– Чего «какого»? Не надо мне никакого, я сам себе, если надо, беру. Слава Богу, на свои живу.

– Да ладно! Я же угощаю.

– А с какой это стати вы меня угощаете?

– А-а, мы же ещё на «ты» не перешли, да? Надо познакомиться?

Мужчина вновь уселся на свой стул и широким театральным жестом протянул через стол руку.

– Борис!

Сделал он это так лихо и стремительно, что Санек отшатнулся. А чтобы пожать протянутую руку ему пришлось даже чуть отодвинуться и, всё равно, руку он пожал этому Борису почти у себя под подбородком.

– Александр Иванович, если настаиваете, – промямлил Санёк, – а ваше... отчество?

– Чего? – Борис как-то поскущел, убрал руку, откинулся на спинку стула. И тоскливо обведя взглядом столики, уставился на Санька. Помолчал, допил пиво, встал и направился к стойке. На полпути развернулся, подошел к столику, рез-

ким движением забрал сумку.

– А чё? Без отчества ты со мной не выпьешь? И пьёшь только на свои? Такие вот вы теперь. Вот он какой, звериный оскал капитализма. Надо же.

Странный Борис опять обвел взглядом столики и направился к стойке. Ко всему он ещё и чокнутый, решил Санёк. Фу ты, ну весь кайф испортил. Так хорошо сидел и надо же. Достал из пакетика засушенную и проароматизированную рыбку и стал счищать с неё шкурку. Занятие на время отвлекло его от неожиданного собеседника. Он уже успел посоветовать на производителей «рыбки к пиву». Мол, за такую цену могли бы и почистить, а то сиди теперь, руки пачкай. Неожиданно стол качнулся, и на него грохнулись сразу шесть кружек пива. «Тво-ою мать!», с таким хамством Санек давно не сталкивался. Перед ним стоял новый знакомый и улыбался, как ни в чём не бывало. Санек только было решил послать его куда следует, но Борис опередил его.

– Ты, это, Александр... или как там тебя. Ну, Санёк, одним словом. Ты, это, не сердись на меня.

Пара принятого пива явно встретила с «вчерашним» и речь бородатого красавца уже соответствовала необходимым стандартам для мужской, душевной беседы. Откуда он, блин, знает, что меня Саньком кличут, мелькнуло в голове. Тот, между тем, по хозяйски располагал на столе кружки, раскладывал пакетики с орешками, сушеной рыбой. Три кружки демонстративно встали перед застывшим Алексан-

дром Ивановичем.

– Ты не смотри, я взял такое, какое ты пьёшь. Я у дамочки спросил. Она тебя оказывается, знает. «Кто, Санёк?» говорит. «Да он только наше и пьёт», и налила вот это. Только удивилась, что я так много беру. Да разве же это много? Я и себе такого же, как у тебя, заказал. Вот попробую.

Он тщательно уселся на свой стул, всем своим видом показывая, что он обустроивается на долго. И дружелюбие при этом демонстрировал неподдельное. Он даже застыл на несколько мгновений, с улыбкой и вопросом на лице.

А Санёк, собственно, раздосадован был не этими кружками и предложением угощения, а просто навязчивостью незнакомого человека. Одним словом, чужие собутыльники – это не его профиль. У него уже давно сложился свой круг общения за кружкой пива. Это были в основном давние приятели, соседи по дому, а один даже сосед по лестничной клетке.

Но чаще всего он, пожалуй, со Степаном здесь засиживался. Вот с ним они, что называется родственные души. Связывали их глубокое знание способов засолки, вяления и копчения рыбы, привязанность к одному сорту пива, а главное острые и бескомпромиссные разногласия в вопросах политики. Как внешней, так и внутренней. Что касается внутренней политики, то здесь, пожалуй, нашелся один пункт, в котором у них образовался модный ныне «консенсус». Они считали, что союз России должен быть не с Белоруссией, а с Арме-

нией. Этот Союз, по их мнению, был бы более естественен и на века. И это не обязательно потому, что Степан армянин. Просто, они считали, что это давно сама жизнь доказала. Ещё с екатерининских времен. Когда предков Степана Великая Императрица переселила из Крыма в здешние российские степные места, предоставив им землю в вечное пользование. И не удивляйтесь. Именно из Крыма, и именно армян. Были такие «крымские» армяне. Почитайте историю. Занятная это вещь – история. Скажу больше. Нашим бы политикам, да и не только нашим, почитал бы кто историю – только на пользу. Многих нежелательных историй в мире не случилось бы. Ну да Бог с ними.

А вот теперь у Степана своя будочка по срочному ремонту обуви на этой самой земле. Стоит она в этом же дворе-колодце между высотками, окруженная зарослями сирени. Их совместные посиделки, как правило, складывались следующим образом. Санёк, имея намерение пропустить одну – другую кружечку пива, чуть кривил линию маршрута и оказывался у дверей Степановой будки. Если дверь не загораживал явный клиент, он ещё с тротуара, не здороваясь, заявлял что-либо, типа: «Стёпа, я не знаю как тебя, а меня этот Буш уже достал», или «и как тебе эти заявления, так называемого Европейского союза, а?». Из полумрака будки ему салютовали поднятой туфелькой, и слышалось примерно такое: «Санёк, дарагой, иди, займи место в парламенте, и скажи спикеру, что я сейчас буду, и мы этот вопрос поставим на открытое го-

лосование». Что значил этот разговор, я думаю понятно. Он из серии тех, что складывается годами в компаниях, к примеру, игроков в разные дворовые, интеллектуальные игры. Когда в тихие, летние вечера, в группе мужчин, склонившихся над столом в центре двора, произносится к месту слово или фраза, как пароль понятный только этой компании и вызывает определенное действие или громкий хохот, как будто рассказан интереснейший анекдот.

А сейчас Санёк растерялся. С одной стороны он не настроен был засиживаться долго в баре, поскольку его связывали определенные обязательства перед его благоверной и её пушистыми засранками. Да ещё и в компании с незнакомым человеком. Но с другой, этот самый человек чем-то притягивал к себе, разжигал любопытство. И внешний вид, и поведение незнакомца таили, как начинало казаться запущенному выпитой кружкой воображению Санька, что-то загадочное и необычное. А-а, была, не была!

– Артист, что ли? – и он пододвинул к себе одну кружку, – вы не думайте, я заплачу.

– Не-е, я не артист, – с видимым облегчением сказал новый знакомый, – я теперь этот..., во! Путешественник! – поднял, как бы салютуя кружку, и сделал несколько глотков, – какое пиво! А! – поднес к глазам кружку, разглядывая её на просвет, – слушай, Санёк! Я тебя очень прошу, кончай эти вот политесы. Мы же с тобой познакомились? Познакомились. Давай на «ты». А то я так не могу. Сидим. Как лю-

ди. Пиво, все дела, и на тебе – вы! А отчество, если хочешь знать – пожалуйста – Иванович. Борис Иванович.

– Ну, хорошо. А откуда вы... ты знаешь, что меня Саньком кличут?

– Здравствуйте! Да я же тебе уже рассказывал. Эта, кукла за стойкой так тебя назвала.

– А-а. Ну да. Ну да. Я же здесь как бы свой. Захаживаю, – явно смутился, – живу я вон в том доме. А почему кукла?

– Почему кукла? А я почём знаю? Ты глянь на неё. У неё же лицо кукольное. Гладенькое, как нарисованное. Да, девочки все, я смотрю вокруг, как куколки, красивые. С чего это они все так похорошели?

– Да ты что, с неба свалился? А косметика, посмотри, сейчас какая. Какую хочешь физиономию себе можешь нарисовать. Нашёл чему удивляться. А-а-а. Ты же путешественник. Где же ты путешествуешь, если не секрет, если таким вещам удивляешься?

– Да, уж, – то ли с сожалением, толи просто от нечего сказать буркнул Борис.

– А как же это ты путешествуешь? Вот так, налегке? С этой вот сумочкой?

– Ага. С этой вот сумочкой, – с явной досадой согласился Борис, – больше багажа не разрешено.

– Кем?

– Э-э! – махнул неверной рукой, – давай о чемнибудь другом. Считай, что я пошутил. Насчет путешественника.

– Так всё-таки артист? – с пониманием кивнул Санёк на внешний вид Бориса.

– Ну с чего ты взял? А это, – он обозначил жестом фигуру, – это все так. Я, понимаешь, на деда очень похож. У меня его фотографии есть. Такие вот, – он выпрямился на стуле, положив руки на колени, отставив локти в стороны, – ну я и одеваюсь, так, чтобы походить на него. Жене нравится. Ага.

К собеседникам уже пришла та легкость в беседе, которая приходит после второй кружки, даже не учитывая вчерашнего. С каждой минутой Саньку всё больше нравился его новый знакомый. Видно же было, что Борис этот – незаурядная личность. Пусть не артист, но что-то в нем есть. Несмотря на разгорающийся у него на лице хмельной румянец и начинавший не поспевать за мыслью язык, в общем, этот Борис начинал производить на Санька приятное впечатление. И ещё. Показалось, как будто, что они давно с ним знакомы. Нет, даже не так. А вот, как будто, они молодые ещё, они приятели задушевные. И, вот наскребли по карманам мелочи, заставили стол кружками и впереди у них беспечное приятное время провождение. Помнит Санёк, было так. Когда-то.

– Ладно. Давай по-настоящему познакомимся, – протянул через стол руку, – я тебе разрешаю звать меня Сашей, а я тебя Борей. Согласен? Я тебе сейчас о себе в двух словах, да? А ты – мне о себе. Откуда ты такой вот, весь из себя. Ну, согласен?

– Согласен, – ударили по рукам, – вот это по нашему. А то

я уже грешным делом подумал, что не найду с вами общего языка. Что здесь уже всё вверх тормашками.

– С кем это, с вами?

Санёк наморщил лоб, пытаясь сообразить, где у странно-го Бориса кончается юмор и начинается серьёзный разговор. Хлебнул добрую порцию из кружки, аккуратно поставил её чуть в стороне и подвинул к себе пакетик с рыбкой. Достал одну и начал ногтем сдирать шкурку. На нового знакомого поглядывал, ожидая ответа. Борис тоже достал из этого же пакетика рыбку и понюхал.

– Какая удобная штука, а? – ещё раз понюхал её и заявил – только вот воняет она, черт знает чем. Как будто и рыбой вяленой, а как будто и плесенью какой то, а? Как вы её едите?

– Опять? Кто это, вы? Не понял, Боря? Мы ведь договорились? Чего-то ты темнишь. Ты чё?

Санька даже качнуло на стуле от искреннего непонимания. Э-э..., что не говори, а была в Борисе загадка. И в разговоре и в его поведении. Это обращение на «вы», хотя сам ведь предлагал на «ты». И то, что он постоянно оглядывался по сторонам, как будто он не в баре сидит, а в «Дисней Лэнде» какомнибудь, а вокруг него чудовища бродят. Да и на «вы» он обращался, нетрудно было понять, не к нему лично, а к кому-то всем, кто его окружал. Всё это чудно было и не понятно. А может он чокнутый? Может он сам себя за инопланетянина держит? А я тут с ним тары-бары развожу, пришло на ум Саньку.

– Слышь, Борис, ты чего не отвечаешь? Может у тебя крыша едет?

Александр Иванович даже кружку поставил почти на середину стола и чуть отодвинулся вместе со стулом.

– Что значит, крыша едет? Ты думаешь, что я сумасшедший?

– Не, Боря, ты сам себя послушай, ты же все время хрень какую-то несёшь, загадками говоришь. И сидишь ты, как с неба свалился, оглядываешься.

– Санёк, погоди, не дёргайся, – Борис бережно, как будто боясь спугнуть, взял за руку Санька, – я сейчас всё объясню. Давай ещё по кружавочке, а я пока обдумаю всё, решусь, и всё тебе объясню. Тут, видишь, какое дело, не всё так просто.

Борис хорошенько приложился к кружке, решительно поставил её на стол и, подняв на Санька неверный взгляд, вдруг предложил:

– А может по водочке?

– Э-э, нет, – выставил перед собой ладонь Санёк, – давай колись. На что это ты там решиться должен, а?

– Ну, ладно.

Борис обречённо махнул рукой и странно подняв к потолку шатра глаза и разведя в стороны руки, будто собираясь молиться, пробурчал:

– Я этому человеку всё скажу, а там, как хочешь. Иначе я не могу.

Странно помолчал, всё так же глядя в потолок, ещё более странно кивнул и схватил за руку уже поднявшегося со стула, с удивлением смотрящего на него, Санька.

– Санёк, братишка, ну погоди, не убегай. Что ты, ей-богу, как маленький. Ну, будь мужиком. Присядь. Сейчас я всё расскажу, и если ты после этого уйдёшь – всё, я тебя больше не держу.

Он встал и почти силой усадил приятеля на стул. Тот оторопело и молча продолжал смотреть на Бориса. Вот влип, крутилось у Санька в голове. Расслабился, блин. Как я сразу не разобрался. Он же только что из «дурки», или сектант какойнибудь. А я с ним пиво пью. На хрена бы мне такая история? Нет, сейчас встану и уйду. Вот надо только ему за кружку пива заплатить. И полез в карман. А чего там брать? Деньги то там только на кошачьи сортиры. Санёк растерянно откинулся на спинку стула. А Борис вдруг пересел на стул, стоящий между ними, подвинул его ближе и, глянув на собеседника вдруг ясными, протрезвевшими глазами, заговорил так, будто маленького ребёнка уговаривал.

– Ты выслушай, не вскакивай, я ведь тебе ничего плохого не скажу и не сделаю. Я с тобой поделюсь своими проблемами, а там как знаешь. Я понимаю, что всё, что я тебе сейчас расскажу, тебе абсурдом покажется, но это действительно так, как я тебе расскажу.

Видя, что Санёк молчит, продолжил, понизив голос и глядя в стол.

– Вот скажи мне, какой сейчас год?

– Чего?

– Ты не нервничай, просто скажи, какой-сейчас-год?

– Ох, блин, ну и влип же я! Ну, две тысячи седьмой, и что?

– Вот! И что. Тебе это вроде как так и надо, да? А я это только на пивной наклейке прочитал. Понимаешь? Я ведь из тысяча девятьсот семьдесят седьмого года. Сечёшь? Из... тридцать лет... назад.

Сказав это, он спешно положил руку на ладонь Санька, по-видимому, предполагая, что тот сейчас вскочит и бросится убежать. Но тот молча продолжал сидеть и тупо глядеть на говорившего.

– Ну, понятно. Ни хрена ты мне не веришь. Я ведь вижу, ты на меня, как на идиота смотришь. Ладно. Молчи. А я попробую тебе по порядку все рассказать, – хмыкнул, – если успею. Пока ты не сбежал. Я вот представляю, что если бы мне такую же галиматью несли, я бы тоже или сбежал, или бы скорую вызвал. Из дурдома. Так ведь, Санёк?

Санёк молчал. Руками ухватился за стул под задницей, так же тупо смотрел на Бориса и молчал. Видно было, что ближайшие несколько минут он ничего не предпримет. Ступор полный.

– Ладно, слушай. У меня ведь всё это недавно. Буквально несколько дней назад произошло. Хотя, что это я говорю. Несколько дней. Это ведь смотря от чего считать. Или ты понимаешь? А? Ну ладно. В общем, сижу я дома. Жена на ра-

боте. Ага. А она попросила меня погладить постельное бельё. А я это в лёгкую. Мне, ты знаешь, это в охотку. Приготовить или помочь чтонибудь ей по хозяйству – я с удовольствием. Ну, вот такой я, – расставил в стороны руки, – да я же тут рядом живу, через пару кварталов, – наморщил лоб, – подожди, или жил? Эх, чёрт! Ну ладно. Расскажу до конца, а потом разберёмся. Так вот. Все дело в утюге. Толи шнур где то перетерся, толи ещё какая-то хрень, только долбануло током так, что я с копыт слетел. Представляешь? И, видимо, сознание потерял. А когда в себя пришёл, чувствую, как будто кто-то говорит мне что-то. Вставай, мол, жена вот-вот придёт с работы. А ты валяешься как половая тряпка у порога. Не боишься напугать её? Вот такую херню я слышу. И я, ты понимаешь, сознаю, что это не голос. А как будто думаю я об этом. И как будто и не я это думаю. Как будто кто-то мне эти мысли навязывает, что ли. Нет. Я это объяснить не смогу. Но я тогда же и понял, что это не я сам себе отвечаю. Это кто-то мне внушает. У меня, как ты говоришь, чуть крыша не поехала. Представляешь? Когда вопрос – ответ начались. То есть я сам себя спрашиваю и получаю ответ. То есть я сам себя спрашиваю, мол, что это со мной случилось, чего это я валяюсь на полу? А мне ответ. Током тебя, милейший, стукнуло, осторожнее надо быть. Ага. И что же, я спрашиваю, что стукнуло, что это значит, живой я или нет? Да живой, получаю ответ. Живее всех живых. Ты представляешь, – понизил голос почти до шепота, – так и слышу: «живее всех живых».

То есть, как Владимир Ильич.

Борис откинулся на спинку стула и расстроился.

– Эх, ёшкин кот! Ни хрена ты мне не веришь. Я же вижу. Ну, Сань, ну пойми ты меня. Я ведь тебя выбрал, потому, что ты мне показался серьёзным мужиком. Без тараканов в голове. Ну, думаю, вот этот мужчина меня поймёт. Трудно мне одному.

Окончательно расстроившись, он откинулся на спинку стула, вытянул под столом ноги, зацепив при этом ноги Санька. Но не извинился. Даже, я бы сказал, демонстративно не извинился. И помолчав, глядя на всё ещё застывшего, ошарашенного собеседника вздохнул и, тронув его за руку, сказал:

– Слышь, приятель, ладно..., считай, что я пошутил. Больше я тебе голову морочить не буду. Я понимаю, – махнул рукой, – да чего тут понимать. Я бы на твоём месте, наверно, тоже не поверил. Иди, гуляй. Свободен. Пользуйся благами своего капитализма. Хотя, – широким жестом обвел стол со стоящими кружками, – я не против, мы можем продолжить. А поговорим о чемнибудь нейтральном. О девочках, например. А? Они во все времена нашего брата интересовали. А я сейчас вокруг смотрю – одна краше другой! А?

И Борис легко хлопнул по плечу застывшего собеседника. Между тем Александр Иванович заёрзал на стуле и в его глазах что то разумное мелькнуло. Он оторвал руки от стула, локтями и всем корпусом лег на стол и тоже, как Борис,

оглянулся вокруг. Потом почти шепотом спросил:

– А ты мне можешь показать свои деньги?

– Деньги?... А-а... могу! Конечно, могу, – хлопнул себя по лбу, – как я сразу не догадался?

Видно понял, в чём дело. Пересел на старое место и начал быстро и весело извлекать из карманов и сумки смятые купюры. Санек сначала молча смотрел на растущий ворох бумажек на столе.

– Во-от, а я то подумал, что мне показалось.

И стал выбирать из лежащих купюр бумажки с профилем вождя пролетариата. Они оказались в основном достоинством в двадцать пять рублей и пара десятков. Были и без профилей. Они сразу не бросились в глаза Саньку, а сейчас тоже легли в стопку, которую он откладывал в сторону. Здесь были пара пятерок, трояк и рубли.

– Новенькие. Только что напечатал, что ли? – он вертел в руках хрустящую, не успевшую помяться фиолетовую двадцатипятирублевку.

– Почему это, напечатал? Ты мне дело не шей, – Борис пальцем погрозил, – я ими вчера зарплату получил.

– Какую зарплату? – у Санька в очередной раз глаза на лоб полезли, – вот этими?

– Та-ак. Мочало, начинай сначала, – Борис тяжело вздохнул.

Но теперь уже Санёк проявил заинтересованность в том, чтобы в чём-то разобраться. Он собрал в стопку советские

деньги и спросил:

– Боря, ты что, хочешь сказать, что ты этими деньгами зарплату получаешь? Да?

– Ну.

Санька заметно отпустило, и он, уже откинувшись на спинку стула, с иронией рассматривал собеседника.

– И где же это такое место? Где это такая лажа советская? Может там и цены ещё те?

Он выразительно ткнул большим пальцем себе за спину.

– Может там и колбаска ещё за два десять? И в трамвае за три копейки можно проехать?

На лице Бориса после громких слов о советской лаже промелькнуло беспокойство, и он испуганно оглянулся по сторонам. На них, почему-то никто не смотрел.

А Санька так убедили собственные аргументы и абсурдность Борисовых баек, что в голову пришла самая простейшая мысль – его разыгрывают. Он ведь не раз видел по телевизору, как разыгрывают друг друга телевизионщики. Санек тщательно огляделся. Никаких явных, направленных на него камер не заметил. А Борис, между тем, полез в сумку и извлек совсем уж неожиданную вещь. У Санька перед носом завис на протянутых Борисом руках бутерброд с колбасой.

– Что это?

– Как что? Колбаса за два десять.

– Кака-ая колбаса? Какие два десять? Ты чё несёшь, парень? Да я тебе такой колбасы сейчас вагон подкачу. Понял?

И маленькую тележку. И скажу, что она...

Говорил, и сознавал, что видит в колбасе что-то необычное. Или наоборот, что-то очень знакомое, но давно не виденное. Это цвет колбасы, знакомо розовый с темными куточками мяса и серыми кружляшками жира. И даже «заветрился» край этого ломтя колбасы как то по давно забытому, без белизны и зелени. А главное в нос Саньку вдруг ударил запах. Запах колбасы!

– Слушай, а действительно, что это за колбаса?

– Нормальная колбаса. «Свиная варёная» называется. Если ты местный и лет тебе, я смотрю, до хрена, то ты должен помнить эту колбасу. А что сейчас такой нет? А эту вчера в «Трёх поросятах» давали. Жена вчера после работы, случайно заглянула,... а там очередь. И вот эту колбаску дают. И ещё «любительскую» и «языковую». «Языковая» там всегда отличная. Мы её с женой частенько, если удаётся, конечно...

Санёк в это время откусил кусочек колбасы с бутерброда и медленно жевал его, глядя на Бориса.

– В «Трёх поросятах» говоришь? И «языковую» там дают? Дают? – он зажмурился, – или я ничего не понимаю, или ты складно брешешь, Боря. Я тащусь от твоей брехни. Всё то ты помнишь. Там, в этих «трёх поросятах» действительно «давали» языковую колбасу. Но их же нет уже, Боря. Нет «трёх поросят». И давно уже нет.

На этот раз он оглянулся вокруг, ища поддержки у сидя-

щих за столиками. Мол, подтвердите, люди добрые. Но, слава Богу, никому не было до них дела.

– Как это нет, Санёк? Есть! В этом-то всё и дело! Это я тебе и хочу рассказать. Для тебя – их нет, а для меня – есть. Сегодня, понял. Сегодня есть! Магазин «Три поросёнка» сегодня торгует языковой колбасой.

И он постучал согнутым указательным пальцем по лбу Санька. Тот дожеввал, понюхал пальцы и молча уставился на Бориса. Пауза явно затянулась, и Борис забеспокоился.

– Александр, как там тебя по батюшке? Ты чего? – поводил рукой у него перед глазами, – ты в порядке?

– Я вот думаю, – мотнул головой Санёк, – может действительно, по водочке?

– Вот! Это я понимаю, разговор.

Борис схватил за руку Санька, пытавшегося извлечь что-то из кармана.

– Ладно, брось, я уже понял, вы все стали экономными. А у меня деньги ваши дурные, и мне они там, – он махнул головой за спину, – не понадобятся. На, вот.

Он протянул Саньку смятую сторублевку.

– Сколько бутылка стоит, а? Где здесь поблизости можно купить – не знаешь? Будь другом. А? Сбегай. Денег хватит? Скажи, я добавлю.

– Куда бежать? – все ещё плохо соображалось, – да все же здесь есть. Ты что, не видел? Плати, и тебе налью, сколько скажешь. Ну ладно, давай я, – взял деньги, посмотрел, –

здесь хватит.

Встал Санёк неуверенно и, шаркая ногами, поплёлся к стойке. У стойки оглянулся на сидящего за столиком Бориса. Тот сидел, в привычной уже манере оглядываясь по сторонам, с детским любопытством разглядывая окружающий его мир. «Вот так история», слабой искрой промелькнула трезвая мысль и тут же хмельная голова подсказала мероприятие, достойное «мачо». «Эх, был бы Стёпа здесь».

Я вам прямо скажу, не оказалось в этой истории мужика, готового в одиночку принять на себя случившееся приключение. И история покатилась в неоригинальном направлении, в народе давно получившем обозначение «на троих». Дальше всё происходило вне разности времен, вполне в рамках нормальной пьянки. Санёк вернулся за столик с двумя стаканчиками прозрачной жидкости и, не присаживаясь, обсудил с новым приятелем важность и необходимость своего предложения. К пониманию этой важности пришли быстро и Санёк, резко развернувшись, с решительностью во взгляде и неуверенностью в ногах направился к выходу. На резонную реплику из-за своего столика также решительно вернулся, и новые друзья приняли по пол стаканчика. Оба, как по команде заняли рыбкой, и Санёк покинул заведение.

Вернулся он быстрее, чем предполагал Борис. С мужчиной, одного с ним роста, но худее, черно-седого и прихрамывающего, опирающегося на тонкую палочку. Санёк был явно возбужден и, чувствовалось, влек за собой мужчину. Тот,

только поднявшись на ступеньки площадки, нашел взглядом сидящего Бориса, и подходил, криво улыбаясь, и снисходительно поглядывая на забежавшего вперёд Санька.

– Ну, знакомь меня со снежным человеком.

Стёпа разыгрывал роль трезвого в компании пьяных друзей. Он, не здороваясь, сел, осмотрел сервировку, сдвинул тыльной стороной ладони кружки, и с локтями водрузившись на столик, принялся рассматривать Бориса. Борис, доброжелательно улыбаясь, протянул через стол руку:

– Борис.

– Степан, – привстал со стула, и к удивлению Санька, не выпуская руки Бориса, вдруг, через стол хлопнул того по плечу, – слушай, Санёк, кого ты встретил? Я же его знаю!

– Знаешь? Ну вот. Слава Богу. А то у меня уже крыша отъезжать от хаты стала. Несёт твой знакомый ахинею какую-то. Вот, давай, разбирайся, а я пока пивка приму.

И уже было приложился к кружавочке, хлебнул пивка и замер с открытым ртом. Хорошо ещё кружку на стол поставил. Он ведь решил, что сейчас всё на свои места станет. Стёпа раскроет «козни» новоявленного шутника Бориса, и они мирно примут еще по кружечке и по домам. Нет. События, что называется, разворачивались. Борис тоже встал со своего стула и, продолжая, как бы здороваясь, тряхи руку Стёпы, тоже приобнял второй рукой того за плечо. И стоят они, как старые знакомые, через стол обнимаются, здороваются. И вот они радостные от этой встречи – прямо загляденье.

Только вот говорят такие вещи, что у Санька вконец понималка отказала.

– Ещё бы! Как ж это ты меня не знаешь, если на днях ты мне стремянку держал. Я, слышь Санёк, – снёсся Борис к оторопевшему Саньку, – я у них на обувной фабрике оформиловку делаю с ребятами. Полный комплекс. Плакаты, стенды, транспаранты на демонстрацию. И мы на днях большой плакат вешали, а он, – хлопнул Степана по плечу, – нам стремянку принёс. И подержал даже, – одобрил Борис.

– Чё ты мелешь? Какой «на днях»? – у Степана полезли из орбит глаза. Он выпустил руку Бориса и, пощупав сзади стул, неуверенно присел.

– Какой «на днях»? – повторил, – я действительно помню вас, художников, разрисовывали нам стены на фабрике. Так это когда было? А? Санёк! Это знаешь, когда было? Хрен знает когда. Лет двадцать, а то и больше. Я на фабрике уже лет двадцать, как не работаю. А? Я и его запомнил по этой бороде, – кинул на Бориса, – а других то я уже и не помню в лицо.

Степан, растеряв всю свою снисходительность к хмельным напарникам, сидел и вертел головой с одного на другого. Борис, тоже усевшись на свой стул, с любопытством разглядывал Степана.

– Не ломай голову, Стёпа, прошло ровно тридцать лет. Да. Я вот тебя на улице бы не узнал. Нет. А заговорил ты, как-то голову повернул, я тебя и признал. Ты вон, вишь,

какой седой. Старый совсем. А на днях парень со мной рядом стоял.

Вот и Борис впервые, по настоящему, растерялся. Он с недоумением смотрел на Степана, качал головой. А Степан, смущённо кашлянув, протянул руку и пощупал за локоть Бориса. Как будто они только что не здоровались за руку и не трепали друг друга за плечи.

– Слушай, дорогой, а ты совсем с тех пор не изменился. Ни капли. Надо же? – откинулся на спинку стула и после затянувшейся паузы прервал молчание, – ты что, правда, с тех лет?

Практичный ум и трезвость Степана помогли ему первому пробить брешь непонимания в свалившейся на эту компанию ситуации. Борис, молча кивнул головой. Новые друзья снова надолго замолчали. Они, наконец то, осознали, что попали в приключение, какое раньше и присниться не могло. Даже Борис, по-видимому, по-новому взглянул на своё положение. Вид постаревшего Степана был тому причиной.

– Ну, так что, приятель, рассказывай, как ты докатился... – Стёпа почесал затылок.

– До такой жизни? – продолжил с кислой улыбкой Борис, – только последний раз, ладно? И, это, – он повернулся к Саньку, – давай повторим? – и кивнул на Степана, – с ним.

– Я, в принципе..., – Санёк пожал плечами.

– Тогда я сам.

Борис встал и направился к стойке, роясь в карманах. Са-

нёк со Степаном молча, как замороженные смотрели сначала вслед уходящему «пришельцу», а потом на подходившего с тремя стаканчиками Бориса. За всё время, пока его не было за столиком, они не проронили ни слова. Так же молча, со знанием дела они приняли по полной, без тостов и лишних разговоров, закусили тщательно бутербродами. Затем, склонившись к столу, стали слушать рассказ Бориса, периодически откидываясь на спинку стула с недоверчивым выражением на лицах, или издавая недоуменные возгласы.

Глава вторая. Естественные неприятности при нестыковке времён

Засиделись они тогда допоздна. Борису пришлось заново, подробно рассказывать историю с утюгом. Как первый раз услышал «голос». Он, этот «голос», Бориса в первый день, как побеспокоил, так и оставил. Дня два-три не давал о себе знать. Борис уже подумывать стал, что померещилось, почудилось. А ну-ка, так садануло током, что сознание потерял. Не такое померещится, успокаивал он себя. Я, рассказывал он новым приятелям, даже жене ничего не сказал. Утюг починил. Разобрал, нашёл в нём оголившийся провод, перемотал изолентой. Всё чин-чином. Но догладить оставшиеся бельё не смог. Что-то помешало. Вот не могу, говорит, за утюг взяться и всё. Отремонтировал и поставил. Смотреть на него не могу. Как будто в нём что-то сидит. А дня два назад, рассказывает, пошёл вечером пивка попить в «театральный». Помните? В здании театра? Со стороны парка? Ну? Приятели переглянулись и вспомнили.

Да не просто вспомнили, а начали, перебивая друг друга рассказывать подробности. Вспоминать детали прошлых походов в бар «Театральный». С трудом остановил и успокоил их пришелец из прошлого.

Для них, Санька и Степана, это время, о котором рассказывал Борис, как будто приблизилось, стало вспоминаться в деталях, которые они уже, казалось, забыли. И вряд ли вспомнили когда-либо. Но вот надо же? Оказалось, что оно не ушло. Время это. Не только из памяти не ушло, оно из жизни их никуда не уходило. Кажется, вот оно, спустись с площадки «Беседки» и за кустами сирени, за ближним домом, стоит всё так же ларёк с покосившимся названием «Овощи и фрукты», в окне ведро с грязной картошкой и ящик с горкой луковой шелухи, среди которой горделиво круглится бочёк одинокой луковицы. У ларька «живая» очередь хмурых женщин с авоськами. А рядом с очередью два пьяных инженера, держась за пуговицы и рукава друг друга, покачиваясь, решают неотложные вопросы развития производства и полной некомпетентности отсутствующего коллеги. Вопрос взаимного уважения они уже решили, закрепили стаканом портвейна и сейчас пойдут на поиски места, где можно «заглянцевать». И не стоит им мешать, маршрут они знают, пройдут по нему как ночью по родной прихожей от койки до туалета. А потом и до дома дойдут, на «автопилоте». «Слышь, Стёпа, я всегда удивлялся, как я до дома каждый раз доходил? А? Ведь ничего не помнил».

Да, как было уже сказано, с трудом остановил Борис Иванович поток воспоминаний своих приятелей. Хотя, доложу вам, была у него пауза. Когда собеседники начали с иронией вспоминать былые похождения, повторяя: «а помнишь?»...,

Борис Иваныч уронил голову на руки, подперев ими уши и, со смешанным чувством удивления и неприязни на лице, смотрел на Саньку со Степаном. Он и остановил их странным вопросом:

– А когда это вы стали такими правильными? – покачнулся он на подперевших голову руках, – А? Мужики? Смотрю на вас – чистенькими стали, благообразными. Божьи одуванчики. Ладно, кончай балаболить, – легко хлопнул по столу ладонью, – слушай дальше. Или не интересно?

– Не, Борь, давай, не обращай внимания. Это мы так, – Санёк почесал ёжик на голове, – воспоминания одолели.

Он с трудом сосредоточил взгляд на Борисе и остановил рукой Степана.

– Стёпа, действительно, помолчи. Человек рассказывает. Такое не каждый день услышишь. А? – хохотнул, – такое и по телику не покажут. Там всё брешут, да за памперсы агитируют. А здесь всё жизненная правда. Да, Борис Иваныч? – попытался сделать уважительное лицо.

Мужчины склонили в кучу головы, и продолжился рассказ. Снова начались возгласы «да ты чё?», резкие отпады на спинку стула, и опять они склонялись друг к другу. Время от времени они одновременно брались за кружки, отпивали пиво, глядя в стол ответственными за судьбы человечества взглядами. Боря рассказывал дальше.

– Ну, значит, прихожу я к бару, а та-а-ам, очередь человек на пятьдесят. И пускают человек по десять за полчаса.

Нормально? Это когда же я зайду? А те, кто там? Что они, выходить спешат, что ли? Да им там хорошо. И мы стоим, значит, с мужиками в очереди томимся, языки чешем. Все в основном знакомые. «Ну, вы в курсе,» – утвердительно закончил он. Санёк со Стёпой пожали понимающе плечами. «Мол, конечно.» Для них это уже, как будто вчера было. Конечно в курсе. Какой разговор. Всё. Стёрли они границу времени за столиком бара «Беседка ветров». Никто только этого не заметил.

– И тут ещё мужики подошли, – продолжает рассказчик, – говорят в ближайших точках пива нет или кончилось. Что делать? А что и вчера делали. Ждать! Здесь оно пока есть. Мужики в очереди ропшут, но стоят. Хитрожопые разные полезли вперёд. У всех сразу друзья и знакомые впереди оказались. Дело до мордобоя дошло. Милиция тут как тут. А кому хочется светиться? Я в кусты и ходу. Не люблю я милицию. Пойду, думаю, в «Ротонду», наскребу на стакан сухаря, покантуюсь, может кто знакомый окажется, ещё стаканчик нальёт.

– Да, в «Ротонде» столовое белое наливали, помнишь? Стёпа? – вставил Санёк.

– И ещё в «Солнце в бокале» сухое на разлив было, помните? – схватил за руки собутыльников Стёпа.

– Кто? Я помню? – вытаращил на него глаза Борис.

– А, ну да, что это я, – хлопнул себя по лбу Стёпа, – ладно, дорогой, рассказывай, я молчу.

– Это лучше, не сбивай меня, сам собьюсь. О чём я говорил? Ага. Иду, значит в «Ротонду». Настроение, конечно, уже испорчено. Ну и что вы думаете? Прихожу – закрыта! Опа! Хоть стреляйся. Я, это, сел на лавочку в полном отчаянии, что делать? И, слышь, вот так руки развёл и сам себя спрашиваю, есть на этом свете справедливость, или нет? Искренне так спрашиваю, на надрыве, есть или нет? «А какая тебе справедливость нужна? Сформулируй, пожалуйста». Голос. Понял? Тот самый. Вежливый такой, деликатный. Сформулируй, говорит, пожалуйста. А у меня язык отнялся, веришь? Ну, представь, вокруг люди ходят, дети бегают, мороженое едят, музыка в парке играет, а у меня «голос». Сформулируйте ему. Я, значит, посидел, помолчал, думаю, показалось. Ага. И как только язык во рту зашевелился, я так смело говорю в парковое пространство. Конечно, не дурак, подождал, когда рядом ни кого не было. Говорю – «справедливость, это когда, если хочешь пиво, то оно есть!» Ага. Голос так помолчал, а потом, слышь, говорит. «Ладно», говорит, «если хочешь, ты сейчас окажешься там, где пиво всегда есть». «Только», говорит, «учти, что это здесь же, в этом же городе. Только в другое время. Хочешь»? Ну, ты спроси-и-ил? Конечно, хочу. А голос, понимаете, не слышно, а, как будто хохотнул, а потом продолжает. «За твоей скамейкой кусты, видишь»? Ну, вижу, говорю. «Вот зайди за них», он мне советует, «там», мол, «темно и тебя никто не увидит». И что будет, спрашиваю. Тишина. Не отвеча-

ет. Ну, я посидел, подумал. А что, думаю, может случиться? До этого, ведь, ничего страшного не происходило. А голос, мало ли что, показаться может. Зайду, думаю, в кустики. Заодно отолю. Ага. Зашёл, оглянулся – никого близко нет. Ну, я справляю свою нужду, значит, и думаю, что вот и кончились шутки со мной. Ничего ведь не происходит. И хорошо, что я к дереву прислонился. Темно вокруг, и вдруг, как будто ещё темнее стало, и голова слегка закружилась. Закружи-илась и быстро прошло. Я, это, поскорее свои дела закончил, вышел из кустиков и охренел. Вокруг светло, как днём. А дело ведь поздно вечером было. А тут вдруг наро-оду! Молодежь в основном. А передо мной же площадь Театральная, а на ней машин море. Туда – сюда. Туда – сюда. Потоками.

Борис, как будто снова переживал события того вечера. Он, то хватался за голову, то руками показывал, как снуют по площади потоки машин. Иногда он останавливал рассказ, и с растерянностью оглядывался по сторонам. Переводил взгляд на собеседников, всматривался в них уже основательно захмелевшим взглядом и, убедившись, что его внимательно слушают, продолжал.

– Я в жизни столько машин сразу не видел. Да все новенькие, блестят, фарами светят. И диковинные все, импортные, скорее всего. Если бы не знакомая площадь, я бы подумал, что за границей оказался. Сел это, на скамейку. Ничего не понимаю. Страшно. Ну, прикиньте, мужики. Минуту на-

зад ничего этого не было. Не просто страшно – жутко. Постепенно начинаю соображать, что это мне не мерещится, всё на самом деле вокруг меня на яву происходит. То есть, получается, что меня действительно куда-то занесло. Но, если место то же самое, где я и находился несколько минут назад, то, что же это получается? А? А получается, что я в другом времени. Фантастика!

– Фентези! – подняв указательный палец, значительно произнёс Степан и икнул.

– Чего? – удивился рассказчик.

Степан махнул на него рукой, мол, не обращай внимания.

– Это по нашему сейчас, дорогой, «фентези» называется, – пояснил уставившемуся на него Борису.

– У нас теперь всё по-американски называется. Понял? – добавил Санёк, – как что новое, так по-американски. Сникерсы-памперсы. Вот и фантастику теперь «фентези» называем. Так что с тобой, брат, фентези приключилось.

Новые приятели помолчали, размышляя над сказанным, и приложились, не сговариваясь к кружкам.

– Так они что, вас... или нас, – Борис помотал головой, – завоевали, что ли?

– Кто?

– Ну, американцы.

– Американцы? Да ты чё, дорогой? Воевалка у них ещё не выросла! Понял? Завоева-али. И не говори так больше при мне.

Степан снова икнул и расстроился, как будто ему личную обиду нанесли. Санёк примирительно соединил на столе их руки.

– Стёпа, ну откуда он может знать, что было за эти годы. Не кипешишь. Ты, я смотрю, захмелел быстро. Бухал вчера, что ли?

– Это ты бухал, старый алкоголик. Ты что, думаешь я не знаю, что к тебе сваты вчера приезжали?

– Ну, так со мной понятно, а ты чего?

– Да я на голодный желудок. Не завтракал ещё сегодня. Дочка что-то в пакет положила. Как раз хотел закусить, а тут ты. Вот надо было с собой взять, как раз, кстати было бы.

Борис внимательно слушал новых приятелей, переводя тяжёлый взгляд с одного на другого. И тут вмешался.

– Вы что, мужики, голодные? А что же сразу не сказали? То-то я смотрю весь закусон уже подмели. Так я это быстро. И он, пошатываясь, пошёл к стойке.

– Неловко получается, – пробурчал Санёк.

– Слушай, Санёк, а откуда тогда у него деньги? Он же сейчас на наши, – Степан защёлкал пальцами и заgrimасничал, пытаясь подобрать слова, – ну, на современные деньги ведь покупает, так ведь?

Приятели нахмурились, пытаясь разобраться в возникшей неясности. Что-то не складывалось.

– А может он всё-таки брешет? – предположил Степан и сам же отогнал сомнение, – нет, не мог он так сохраниться.

Ведь тридцать лет. Да? А он такой же, каким я его запомнил. Ничуть не изменился. Мы вот с тобой, ара, седые, старые, а он...? А?

– А ты его действительно помнишь?

– Сто процентов! Провалиться мне на месте.

– Ты, это, осторожнее. Провалиться. После сегодняшнего... что угодно может...

– Да-а.

– Стёп, а ты спроси у него, где он деньги взял.

– Да неудобно как-то. Слушай, дарагой, а чего сам не спросишь? Ты же с ним ещё до моего прихода закорешевал, вот ты и спроси.

– Да причём здесь закорешевал? Хотя, ты знаешь, мне кажется, что я тоже его где то раньше видел.

– А может быть. Может быть. Он видишь какой? Фигура! Художник! – Степан изобразил уважительный жест, – и на улице мог встречать, и в очереди за пивом мог с ним рядом стоять. Во!

Да, вариант с очередью за пивом оказался убедительным. А где же ещё? Теперь уже Саньку даже показалось, что он вспоминает его, Бориса. И именно в очереди за пивом. Да, вот так он, Александр Иванович стоит, а вот так Борис. Точно! И дождик моросит. Или снежок? Нет, дождик. Точно! Я его вспомнил, Стёпа! Слушай, а действительно, он совсем не изменился, а?

За разговорами они потеряли из вида Бориса. И что про-

исходило у стойки, они сначала не видели. А там, с грустью следует констатировать, произошло кое-что неприятное. У Бориса Ивановича то, привычки те ещё. С тех лет. Он взял с собой пустые кружки, и у него твердая уверенность, что он теперь у стойки первый. А надо вам доложить, дорогой читатель, что была в те времена такая «практика». Во времена очередей у пивных ларьков неписанное правило – если ты взял хоть одну кружку пива, то можешь возвращаться к окошку ларька с пустой тарой сколько хочешь раз за «повтором». Уже без очереди. Ты подходишь к окошку, и какая бы там не была очередь, гордо заявляешь магическое слово «повторяю!» – и все расступаются, завистливыми взглядами провожая тебя, вооруженного пропуском в виде пустой кружки или нескольких кружек, к заветному крану. Ну, и кто же мог сказать нашему «пришельцу», что давно забыто это правило вместе с очередями за пивом. Оба наших современника уже изрядно захмелели. Да им бы и в голову не пришло предупреждать его о том, о чём сами давно забыли. И произошла первая каверза, связанная с нестыковкой времен. Глупейшая, надо признать, ситуация. Событие, не повлиявшее на дальнейший ход мировой истории, но изрядно попортившее настроение её участникам.

Борис Иванович, не стеснявшийся своего нетрезвого состояния, позвякивая взятыми в две руки четырем кружками, отодвинул довольно не вежливо плечом стоящих у стойки двух девушек и молодого человека. Молодые люди ниче-

го, разумеется, не знали о законном праве чудака с кружками быть первым в очереди. Тем более, что и очереди ведь никакой не было. Они одни стояли перед стойкой, и собирались было уже отойти к столику. Им оставалось только расплатиться и вот..., здравствуйте! Ну, прикиньте, среди бела дня, пьяный, толкается, несёт какую-то ахинею насчёт того, что он повторяет. Чего он повторяет? А когда ему сделали замечание – начал материться. Буквально! Обозвал их «ё...и буржуями»! Наконец, когда продавщица из-за стойки строго предупредила его, что если он не извинится перед молодыми людьми, она вызовет милицию, странного мужчину понесло в разнос. «Что? Что ты там вякаешь в свою мыльницу? Радистка Кэт, „мать перемать“! Обзавелись „бл... и“, персональными рациями? Или что это у тебя? Кричи громче, кто там тебя через твою мыльницу услышит! Люди в очередях за картошкой с утра стоят, а они „мать, перемать“ не знают какое им сегодня пиво выбрать!». В общем, дурдом на колёсах.

И когда это «дурдом» заметили два наших приятеля, он произвёл на них неприятное впечатление. Они, не сговариваясь, сгребли со стульев свои пожитки, Стёпа палку, а Санёк не забыл пакет, и трусцой, молча, поспешили на выход.

Благо, что их отступления не видел Борис. Учитывая его боевое настроение, можно предположить, что он не оставил бы этот неблагоприятный поступок своих новых знакомых, как минимум, без комментариев. А друзья, сбежав со ступе-

нек «Беседки», затормозили только за густыми кустами сирени. Здесь, так же молча, они заняли наблюдательную позицию, какой позавидовал бы любой «агент», любой разведки. Отсюда вся сцена разворачивающихся событий была видна им, как на ладони.

А что события ещё не развернулись до своего логического завершения, друзья, умудренные опытом, знали наверняка. И что вы думаете? Как по сценарию боевика, милиция прореагировала молниеносно. Видимо дежурный наряд проезжал где-то рядом. По тому, что из-за угла, не спеша, как будто она ожидали этого вызова, выехала патрульная машина и мягко остановилась у ступенек заведения, перегородив выход. Так же, не спеша, разминая затекшие члены, вышли два молодых, хорошо экипированных крепыша, без малого двухметрового роста и, похлопывая по свободной ладони резиновыми дубинками, поднялись в «Беседку». Шли они спокойно и уверенно в нужном направлении, потому, что это направление было очевидно.

Борис Иванович уже наделал достаточно шума и беспорядка, чтобы все присутствующие забросили свои «неотложные» дела и наблюдали за происходящим у прилавка. То есть центр событий обозначался ясно и недвусмысленно. Троица молодых людей уже отступила к столикам и с нескрываемой неприязнью наблюдала за разбушевавшимся странным посетителем. А посетитель, или пришелец, как стало ясно из всего происходящего, почувствовав непривычное для него вни-

мание к своей личности, притом, что никто не кидался с ним драться или, хотя бы за грудки взять, занялся ораторским мастерством. Сугубо социальной направленности. Весь этот социальный гнев, вспыхнувший в прищельце из недавних лет, обратился на присутствовавших в баре посетителей.

Возмущало его то, что в рабочее время, в самый, скажем так, разгар производственных процессов в стране эти буржуйские ублюдки праздно просиживали в баре, пропивая не честным трудом заработанные деньги. Поскольку стоять на ногах ровно и твёрдо, как выяснилось, было сложно, он спиной и локтями оперся о стойку прилавка. При этом, что-то загремело, сдвинутое внутрь павильона и девица энергично замахала руками приближающимся милиционерам.

Борис Иванович, не обращая на неё внимание, хотел было вернуть чётко усвоенную мысль о том, что в то время, мол, когда вся страна... И тут он увидел приближающихся милиционеров. Мысль мгновенно покинула голову, и оратор захлопал глазами и забыл закрыть рот. То, что это стражи порядка, он понял сразу. Только вот успел он сообразить ещё одно немаловажное обстоятельство. Что это не милиция! Это или капиталистическая полиция, или какая-то враждебная ему, неизвестная вооруженная сила. Экипировка надвигающихся на него «бугаёв» была устрашающая. Он такой никогда не видел.

Вот в этом месте просто необходимо сделать отступление, пояснить читателю некоторые обстоятельства. Чтобы стало

понятно дальнейшее поведение «пришельца». Заключается оно, отступление, вот в чём. Бориса Ивановича, ещё когда он за столом сидел с новыми приятелями, стали раздражать эти два чистеньких, прилично ведущих себя старика, без особого энтузиазма реагирующих на его щедрую выпивку. Особенно, когда они стали с сожалением вспоминать свои дурные привычки тех лет. Тех лет, в которых Борис был, как это не странно звучит – современником. И к тому же он видел, что они не до конца верят ему. Ещё тогда почувствовал он непреодолимое желание продемонстрировать им своё чудесно обретенное мастерство. Или способности. Способность исчезнуть в любое время, стоит этого только пожелать. Исчезнуть из этого «нового» времени, как он сам для себя это определил. Понятие «будущее» у него в голове не складывалось. По простой причине. Всё вокруг было то же самое, только дома некоторые перестроили, да машин больше на улицах. За те не долгие часы, что он пробыл в новом времени он из района проживания далеко не уходил и изменившегося города и других видимых признаков, произошедших за эти годы перемен, не видел. Но об этом позже. А сейчас вернёмся к его желанию продемонстрировать новым приятелям свои «возможности». И он их конечно продемонстрировал бы им, но несколько позже. Если бы не этот скандальный эпизод у прилавка.

Чем спокойнее и медленнее приближались к нему «бугаи», тем понятнее было пришельцу, что убегать от них бес-

полезно. Дальше было вот что. Любая театральная пауза, как бы она не была отрежессирована или искусно импровизирована, отдыхает перед той немой сценой, случившейся на площадке «Беседки». Персонажи сцены застыли на полную минуту, в немом недоумении разглядывая друг друга.

Вид стражей порядка, которых Борис Иванович определил для себя под именем «оккупантов», так напугал его, что его замешательство было легко объяснимо. Он не знал, что делать. Временно не знал. Потому, что в следующую минуту ему пришло в голову это самое недавнее желание «исчезнуть». А что бы вы ещё в его положении захотели?

Стражей порядка тоже некоторым образом озадачил вид хулигана. Они, скажем так, отвыкли от этого возрастного ценза разбушевавшегося пьяницы. Ну не хулиганят сейчас люди такого возраста на улицах. И не напиваются так демонстративно. А если и пьют, то стараются никому в глаза не лезть. Вот так. А тут ещё вид, «прикид» хулигана поражал своей оригинальностью. Пока человек трезвый был, какие вопросы? Да одевайся как хочешь! А пьяный Борис Иванович напоминал вывалившегося из кабака позапрошлого века мужика. Косоворотка. Поясок. Борода лопатой. Умора! Вот хохоту сегодня в «обезьяннике» будет!

Первым вышел из ступора один из «бугаёв». Он козырнул мужику с бородой и представился лейтенантом с редкой фамилией Иванов. После этого пауза продлилась ещё несколько затянувшихся секунд, затем второй «бугай» невежливо

спросил «гуляешь, урод?». Такое несовпадение отношения к нему «оккупантов» расстроило Бориса Ивановича окончательно и привело его к решению немедленно прибегнуть к своей крайней мере. Положение действительно было безвыходное.

Хорошо ещё, что как не был пьян наш «пришелец», он не забыл наставлений своего «голоса» о том, что свои переносы во времени он может совершать, только удалившись в место, где его никто не видит. Это было обязательным условием. Это он понял по той строгости в «голосе», с которой это условие было ему пояснено. Но как это было реализовать, его пьяная голова не соображала. А соображать надо было.

– Э-э... А-а..., – ну ещё пара согласных и не убедительная жестикуляция, всё, что мог пока произвести Борис.

А «оккупанты» уже брали его под белые руки с намерением вести в машину. И тут Бориса Ивановича осенило.

– Э, как вас там, отпустите, мне в туалет надо. А то я вам машину обоссу. Пустите! И сумку мне надо забрать. Вон она лежит.

И он потащил своих конвоиров к столику, где лежала сумка. То, что он с такой лёгкостью смог изменить направление движения этих амбалов, объясняется тем, что уж больно убедительный аргумент он привел. Пачкать новенькую дежурную машину никому не хотелось. Конвоиры позволили ему взять сумку и, посоветовавшись, проводили его к биотуале-

ту. Пропустили внутрь, строго приказали «не закрываться!» и закурили.

Свидетелями произошедшего в дальнейшем чуда оказались наши старые знакомые, Санёк со Степаном, занявшие наблюдательный пост за кустом сирени. И сами милиционеры. Никого больше это событие уже не заинтересовало. И когда одному из стражей порядка показалось пребывание в сортире мужика чрезмерным, он открыл дверь и выронил из открывшегося рта сигарету. Вы поняли, да? Там было пусто! Только на унитазе сидела белая бабочка и ритмично хлопала крылышками.

И если стражи порядка ещё некоторое время бегали вокруг туалета, пробовали на прочность стенки и допытывались друг у друга, как они могли просмотреть беглеца, то наши приятели всё сразу поняли. Они и на этот раз молча переглянулись и молча же ретировались в сторону своего дома.

Глава третья. Что из всего этого вышло

Санёк.

Очень была поражена поступком мужа Фаина Петровна – жена Санька. Такого она просто и припомнить то уже не могла. Чтобы Санёк ушёл с поручением в магазин, а вернулся поздно, неприлично пьяным и, главное, не выполнив её поручения? Ну не в какие рамки это не укладывалось. Это выражение у неё такое – насчёт рамок. Примите к сведению. Она так и сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.